

ЛАЗАРЬ ШАУЛОВ

ЗЕРКАЛО
НУЛЯ

Лазарь Шаулов

Зеркало Нуля

«Автор»

2026

Шаулов Л.

Зеркало Нуля / Л. Шаулов — «Автор», 2026

«Зеркало Нуля» — современная психологическая драма о браке, измене и той честности, которая начинается там, где уже невозможно притворяться. Она возвращается домой после десяти дней у моря. Муж уже знает правду. Но эта история не о громком разоблачении и не о банальном выборе между двумя мужчинами. Это роман о паре, которая много лет назад выбрала друг друга сложно, дорого и необратимо, — а теперь должна заново понять, как жить дальше со знанием, которое нельзя отменить. В этом тексте нет долгих истерик и монологов о душе. Сдвинутый стул, остывший кофе, удаленное письмо и рука, накрытая не сразу, бьют здесь точнее и страшнее любых признаний. Жёсткий, минималистичный роман без морализаторства. О желании, вине, телесной памяти и новом договоре между людьми, которые потеряли прежнюю слепоту, но всё ещё не готовы отпустить друг друга.

© Шаулов Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Зеркало Нуля

Пролог

Телефон зазвонил резко.

Я вздрогнула. Сначала даже не поняла, откуда звук: в этой тишине он ударил по ушам. Потом увидела светящийся экран на прикроватном столике.

Муж.

У меня пересохло во рту. Я сглотнула, но горло слиплось.

Он лежал рядом. Увидел экран и перевёл взгляд на меня.

Я потянулась к столику. Палец скользнул по краю телефона, и я взяла его не сразу.

— Да, — сказала я.

Голос вышел нормальный. Слишком нормальный. Как будто это была я, только без тела.

Муж пожелал спокойной ночи своим обычным голосом. Я ответила. Дыхание застряло где-то под ключицами, но я выдохнула ровно.

Потом он замолчал на секунду и спросил:

— Ты одна?

Я молчала.

Рядом со мной он не шевельнулся. Только рука, которая лежала у меня на шее, медленно ушла в сторону.

Лампа горела так же ровно, как минуту назад. Простыня под моей ладонью была сбита.

Рука лежала на ней слишком неподвижно. За окном шумел чужой поздний город.

Я открыла рот, чтобы сказать «да».

И не смогла.

— Нет, — сказала я.

В трубке стало тихо.

— Ясно, — сказал муж.

Глава

Самолёт

На следующий день после звонка

Бортпроводница прошла по проходу, напомнила про ремни, спинки кресел и электронные устройства. Я кивнула, хотя она смотрела не на меня.

Телефон лежал у меня в ладони. Сообщений от него не было.

Последним был не телефон, а он у входа в зону контроля: держит мой чемодан чуть дольше, чем нужно, потом отпускает. Ничего не просит. Не говорит: останься. Не говорит: напиши сразу. Только смотрит так, будто ждать уже решил.

Подруга сидела у окна. Сначала молчала, потом повернула голову к телефону в моей руке.

— Ты его в руке так и повезёшь?

— Не начинай.

— Я ещё не начала.

Она отвернулась к окну.

Самолёт стоял. За стеклом медленно ехала жёлтая машина с проблесковым маячком. Кто-то сверху хлопнул дверцей багажной полки. Где-то впереди заплакал младенец. Мать подняла его на руки, прижала к плечу и стала тихо качать.

Я погасила экран.

Несколько минут ничего не происходило. Салон жил обычным перед вылетом порядком: ремни щёлкали, кто-то убирал сумку под сиденье, кто-то искал наушники в кармане.

Потом телефон коротко дрогнул у меня в руке.

Я даже не успела сделать вид, что ничего не жду.

Он.

Сообщение было короткое:

«Я дома. Стул стоит не там. Ты его так оставила. Не буду двигать».

Я прочитала сообщение один раз. Потом ещё раз.

Я открыла строку ответа, написала: «Я тоже...» — и стёрла. Потом снова открыла строку.

Курсор мигал на пустом месте.

Подруга уже не смотрела в окно.

— Он написал?

— Да.

— Ответишь?

— Не знаю.

— Тогда не отвечай.

— Почему?

— Потому что если бы знала, уже ответила бы.

Я закрыла строку ответа, но сообщение осталось на экране.

«Я дома».

Я смотрела на эти два слова и видела не море, не номер, не его руку у себя на шее, а комнату, где стул всё ещё стоял не так.

Он вернулся домой и не поставил его обратно.

Подруга помолчала несколько секунд. Телефон её больше не интересовал.

— Ты его знаешь десять дней, — сказала подруга.

Я не ответила.

— Я хочу сказать, что эти десять дней я смотрела не в море.

Я отвернулась к проходу.

— Ты ничего не понимаешь.

— Возможно.

— Правда не понимаешь.

— Может быть. Но я это видела.

Я открыла рот, закрыла. Объяснить не получалось.

Двигатели стали громче. Самолёт вырулил на полосу, на несколько секунд замер и начал разгон.

Меня вжало в спинку. Телефон поехал с коленей, и я поймала его ладонью.

Подруга смотрела в окно.

Земля ушла вниз, город стал плоским, потом облака закрыли всё белым.

Я убрала телефон в сумку.

В салоне было сухо. Слишком сухо после той влажности, которая ещё держалась в волосах, в коже, где-то под одеждой.

Я несколько раз моргнула. Глаза саднило, будто в них попал мелкий песок. Воздух из узкой щели над головой шёл ровно, холодно, без запаха.

Я отвернула заслонку пальцами и сразу пожалела: стало душнее.

Первый час мы почти не говорили. Потом принесли воду. Я взяла стакан, сделала глоток и только тогда поняла, что губы пересохли.

Вода была холодная, но не помогала. Язык всё равно цеплялся за нёбо, а кожа у скул стягивалась от сухого воздуха. Я провела языком по губам и почувствовала соль — уже почти не вкус, а след.

— Молчать будем все двенадцать часов? — спросила подруга.

— Можем попробовать.

— Я не выдержу.

— Тогда спи.

— Я не могу спать, когда рядом человек делает вид, что его нет.

Я поставила стакан на столик. Вода дрожала мелко, почти незаметно.

— Я не знаю, что со мной, — сказала я.

Подруга не улыбнулась, только повернулась ко мне.

— Ну вот с этого и начнём.

— С чего?

— С того, что ты наконец сказала вслух.

Я не ответила.

— Он не такой, — сказала я.

— Какой?

— Не знаю.

— Прекрасно. Уже особенный, но ещё без описания.

— Не издевайся.

— Я осторожно.

Я отвернулась к проходу. Вокруг всё оставалось обычным: стаканы, пакеты, локти в проходе, свет над головами, — и это давило сильнее.

И я вдруг сказала:

— Он не просил меня остаться.

Подруга молчала.

— И от этого было тяжелее.

— Почему?

— Потому что он ничего не сделал, чтобы я могла злиться. Просто смотрел, как я собираю вещи. Потом взял мой чемодан. В аэропорту сказал, что не будет просить меня решать сейчас.

— Нормально сказал.

— Да.

— И тебе от этого хуже.

— Да.

Я закрыла глаза, и перед глазами сразу была его квартира. Не вся — кусками. Стул. Окно. Ключи на маленьком столике у входа. Его рука на дверной ручке. Тишина перед тем, как выйти.

Я открыла глаза.

— Я думала, выйду из его квартиры — и станет легче.

— Не стало?

Я покачала головой.

— Наоборот. В гостинице это бы исчезло. А у него дома осталось.

Подруга кивнула.

— Стул тебя добил.

— Да.

— Ну, стул так стул.

Я опустила голову на спинку кресла.

— Я дура?

— Сейчас у тебя крышу снесло.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Я же честный человек.

Потом была еда: пластиковый поднос, горячая крышка, хлеб в упаковке. Когда я сняла крышку, вверх пошёл запах разогретой фольги, соуса и тёплого пластика.

Еда лежала под крышкой мягкая, одинаковая, без вкуса ещё до того, как я её попробовала. Вилку я взяла только через несколько секунд. Я отломил кусок хлеба, но он крошился сухо и лип к пальцам.

Подруга долго боролась с маслом, потом выругалась шёпотом и рассмеялась сама над собой.

— Вот настоящая трагедия, — сказала она. — Масло не открывается. А ты со своими мужчинами.

Я засмеялась — на секунду. Потом снова стало пусто.

После еды она уснула. Я ещё немного сидела рядом, смотрела на её профиль, на закрытые глаза. На рот, который даже во сне сохранял готовность что-нибудь сказать.

Я достала телефон и снова открыла его сообщение.

«Я дома. Стул стоит не там. Ты его так оставила. Не буду двигать».

Я прочитала ещё раз и вдруг поймала себя на том, что уже отвечаю ему внутри: где я сижу, что подруга спит, что в салоне сухо и всё время пересыхают губы.

Я закрыла телефон.

Не помню, когда уснула и сколько проспала.

Проснулась от того, что в салоне стало темнее: свет над проходом приглушили, люди вокруг спали, где-то сзади тихо кашляли. Подруга сидела, отвернувшись к окну, и спала.

Телефон лежал в сумке. Я знала это и всё равно чувствовала его рядом — почти в руке.

Я закрыла глаза снова — и увидела другой аэропорт.

Десять лет назад там тоже были чемоданы, очередь, чужие голоса и табло над стойками. Он стоял рядом со мной — не впереди, не позади, а именно рядом.

Я помню его руку: спокойную, твёрдую. Он не торопил меня и не уговаривал. Просто положил два билета на стойку, один за другим. Потом достал паспорт.

В сумке у меня звонил телефон. Звонила прежняя жизнь, которую я ещё час назад могла назвать своей.

Я достала телефон. На экране была прежняя жизнь, и я не ответила. Не потому, что не могла: могла.

Просто если бы ответила, мне пришлось бы снова становиться той, которая объясняет, извиняется, обещает, возвращается и ждёт следующего звонка.

Я погасила экран, убрала телефон обратно, потом открыла сумку, вынула паспорт и положила рядом с его.

Так они и лежали рядом на стойке.

Два паспорта.

Тогда я выбрала сама.

Я открыла глаза.

Самолёт шёл ровно. Подруга спала, прижавшись плечом к стенке, а в тёмном окне отражалось моё лицо.

Тогда я улетала с ним.

Теперь возвращалась к нему. От другого.

*

После посадки я достала телефон, и через несколько секунд экран ожил: сообщения, уведомления, всё, что ждало меня эти часы.

Нового сообщения от него не было. Только то же — про стул.

От мужа тоже ничего.

Подруга взяла свою сумку сверху, сунула мне мою и посмотрела внимательно.

— Напиши ему потом.

— Кому?

— Не делай вид.

Я ничего не ответила.

— Потом, — сказала она. — Не сейчас. Не в проходе, где все стоят с сумками и толкаются локтями.

Мы вышли в рукав.

Потом были паспортный контроль и зал выдачи багажа.

Чемоданы падали на ленту, скользили, ударялись друг о друга. Подруга нашла сначала свой, потом мой.

— Держи.

Я взяла ручку чемодана и на секунду вспомнила его руку у зоны контроля.

У выхода подруга обняла меня коротко и крепко.

— Только не делай вид, что всё нормально. Хотя бы со мной.

— Постараюсь.

— Уже лучше.

Она ушла к стоянке такси и несколько раз обернулась, пока поток людей не скрыл её.

Я осталась одна.

В такси пахло кожей, пылью и старым кондиционером. Город за окном был обычный: светофоры, витрины, люди с пакетами, мужчина с собакой у перехода.

Дом не знал, где я была. Дети не знали.

Муж знал.

У подъезда я осталась в такси ещё на несколько секунд. Потом заплатила, взяла чемодан, поднялась наверх и остановилась у двери.

За дверью было тихо. Не пусто. Именно тихо.

Я поставила чемодан у стены и достала ключ.

И поняла, что боюсь не разговора. Я боюсь войти.

Ключ повернулся в замке.

Я открыла дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.